

(Взгляд Чу Сяоханя)

Лунный свет пробивался сквозь щель в шторах, отбрасывая серебристо-синюю полосу света на лицо Лу Сюминя. Чу Сяохань стоял в тени, всматриваясь в это спящее лицо, и беспомощно качал головой.

Думая о том, насколько глупым и... насколько храбрым был поступок Лу Сюминя, легшего спать на диване рядом с ним, Чу Сяохань понимал: Лу Сюминь боялся его нечеловеческого облика, но всё же решил отплатить добром за спасение. Сколько же здесь было примешано тех же чувств, что испытывал он сам?

Чу Сяохань не знал. Он знал лишь одно: когда Лу Сюминь смотрел на него, его глаза сияли необычайно ярко.

Чу Сяохань бесшумно сделал шаг, словно бестелесный призрак; его тело уже привыкло к темноте, и каждая деталь вокруг была отчетливо видна.

Слегка нахмуренные брови Лу Сюминя, уголки рта, чуть напряженные из-за беспокойного сна, и полоска запястья, выглядывающая из-под одеяла, под кожей которой смутно угадывались бледно-голубые вены.

Чувство голода накатывало волной, но это был не тот разрывающий душу голод, который заставлял его терять рассудок. С тех пор как он начал экспериментировать с регулярным употреблением крови Лу Сюминя, эта безумная жажда изрядно умирилась. Теперь такое голодание больше напоминало мягкое напоминание, сладкое мучение.

Чу Сяохань присел на корточки, двигаясь легко, как кошка. Он осторожно протянул руку, и его кончики пальцев замерли в сантиметре от щеки Лу Сюминя.

Нельзя приближаться. Нельзя прикасаться. То, что течет сейчас в его теле... любое соприкосновение могло осквернить эту чистоту.

Но желание всегда побеждало разум.

Чу Сяохань наклонился, и его губы легко скользнули по лбу и губам Лу Сюминя. Это движение он повторял бесчисленное множество раз — в каждый момент, когда Лу Сюминь засыпал.

С каких пор это началось? Наверное, за месяц до начала катастрофы. В тот день он засиделся в библиотеке за учебой и случайно заметил, что Лу Сюминь уснул, положив голову на стол; его ресницы отбрасывали крошечные тени в свете лампы, и он был похож на беззащитного ребенка.

В тот момент что-то мягкое ударило его прямо в сердце.

Мх... — тихонько хмыкнул во сне Лу Сюминь и слегка повернул голову. Чу Сяохань немедленно отпрянул, отступив в безопасную тень. Но Лу Сюминь не проснулся, лишь поудобнее устроился, и его дыхание вскоре снова стало ровным.

Чу Сяохань с облегчением выдохнул, но тут же почувствовал стыд за этот поступок, больше похожий на воровство. Какое он имел право прикасаться к Лу Сюминю? Особенно после того, как превратился в то, чем стал сейчас.

Он опустил взгляд на свои руки — под бледной, почти прозрачной кожей проступала сеть черных вен. Даже инъекции подавляющих средств и питье крови Лу Сюминя стабилизировали его состояние, но изменения не прекратились сдерживанием.

Он чувствовал, как темная сила в его теле медленно растет, словно проснувшаяся от зимней спячки змея, готовая в любой момент полностью завладеть этой оболочкой.

Единственным, что могло временно успокоить эту змею, была кровь Лу Сюминя.

Он жаждал этой ярко-красной жидкости и в то же время ненавидел эту жажду. Каждый раз, когда он видел, как Лу Сюминь распарывает ножом собственный палец, его сердце словно резали по живому.

Хватит... — беззвучно сказал себе Чу Сяохань и собрался уходить, но в этот момент Лу Сюминь, словно от кошмарного сна, резко открыл глаза.

В тот миг, когда их взгляды встретились, Чу Сяохань замер на месте. Он должен был объясниться, извиниться, должен был... но все слова застряли в горле, превратившись в бессмысленный комок спазмов.

Ты почему здесь? Нужна кровь? — голос звучал так естественно, так непринужденно, словно стояние Чу Сяоханя посреди ночи у его кровати было самым обычным делом.

Чу Сяохань покачал головой и отступил на шаг: — Не нужно... я просто... проверял окна и двери.

С тобой... довольно безопасно. — Лу Сюминь не видел выражения лица Чу Сяоханя, но считал, что всё, что тот сейчас делает, было разумным: в конце концов, Чу Сяохань не причинил ему вреда, а напротив, переживал, когда тот резал руку, чтобы поделиться кровью.

Чу Сяохань не ответил, а присел рядом с ним и мягко спросил: — Тебе приснился кошмар?

Мгм, мне приснилось, что ты умер... умер на моих глазах... и еще велел мне бежать со всех ног. — Лу Сюминь опустил голову, не осмеливаясь смотреть ему прямо в глаза: говорить человеку, что тебе приснилась его смерть, само по себе было не лучшей затеей. Его голос постепенно

стих, превратившись лишь в легкую вибрацию в горле.

Чу Сяохань протянул руку, обхватил его лицо ладонями и заставил посмотреть на себя: — Сны видят с точностью до наоборот. Это значит, что мы оба будем жить долго и счастливо, не вини себя за то, что привиделось во сне.

Лу Сюминь посмотрел на свое отражение в черных зрачках Чу Сяоханя. Краснота, расплзшаяся от шеи до самых ушей, заставила его втянуть голову в плечи и зарыться в диван, зевая: — Так спать хочется, посплю еще немного.

Эта неуклюжая ложь заставила Чу Сяоханя слегка нахмуриться, но разоблачать его он не стал, лишь тихо произнес: — Мгм, — и быстро вернувшись в коридор, прислонился к ледяной стене, дожидаясь, пока сердцебиение придет в норму.

Это было слишком опасно. Он едва не сорвался — и дело было не в том срыве, когда теряешь человеческий облик, а в другом, более сокровенном и личном: ему чуть не захотелось заключить Лу Сюминя в объятия, выставив те тайные поцелуи на свет дня.

Дурак... — мысленно выругал себя Чу Сяохань. Какой смысл говорить об этом, думать об этом сейчас? Он ведь всего лишь... монстр, нечеловеческое существо, и даже при наличии крови кто знает, как долго продлятся эти минуты искупления?

К тому же, был замешан Лу Сюминь... Чу Сяохань не хотел снова видеть те взгляды, полные отступления и страха, которые были у него при их первой встрече. Он лишь хотел, чтобы Лу Сюминь заслужил лучшего конца, а не был втянут получеловеком-полупризраком в неопределенность.

Чу Сяохань подошел к окну, глядя на мертвенно-тихий кампус снаружи. Лунный свет освещал следы его битвы с эволюционировавшим: трещины, покрывшие стены здания, осколки стекла, усыпавшие землю, и несколько обугленных пятен на газоне — следы от самодельных бутылок с зажигательной смесью, которыми он зачищал трупы.

Вдалеке силуэт учебного корпуса казался в лунном свете особенно зловещим. Когда-то это было его любимое место, ведь там всегда можно было случайно встретиться с Лу Сюмином. Теперь же от него остались лишь разбитые парты, стулья да гниющие, смердящие трупы.

Чу Сяохань внезапно почувствовал одиночество. Даже несмотря на то, что Лу Сюминь находился всего в нескольких метрах, между ними пролегла невидимая бездна: один — бессмертный монстр после мутации, другой — живой человек со способностью к исцелению. Такой союз был абсурден.

Даже если этот мир уже давно перестал быть нормальным, у них всё равно не было будущего: чувства истлеют в страхе.

Это крайне сложное чувство заставило Чу Сяоханя машинально поднести руку к губам — там еще сохранялось тепло губ Лу Сюминя. Чу Сяохань закрыл глаза, вспоминая каждую мелочь до катастрофы: их знакомство на спортивных состязаниях, случайные столкновения в коридоре, встречи в библиотеке и прощальный банкет...

Ему следовало ответить Лу Сюминю в тот момент, когда тот признался в чувствах. Сказать ему, что это не безответная любовь. Но осторожность и здравый смысл нашептывали Чу Сяоханю: подожди еще немного, отработай пару лет, дождись, пока всё уляжется...

А потом мир рухнул.

Чу Сяохань?

Мягкий зов вырвал его из воспоминаний. Чу Сяохань обернулся и увидел стоявшего посреди коридора Лу Сюминя. Лунный свет очерчивал его хрупкий силуэт; на нем не было куртки, лишь тонкая футболка, и он слегка дрожал от ночного ветерка.

Разве ты не хотел спать? Почему вышел? — спросил Чу Сяохань, и его голос прозвучал мягче, чем он рассчитывал.

Лу Сюминь почесал затылок, словно провинившийся ребенок: — Прости, мне снова приснился кошмар... приснилось, что ты пропал. — Он замолчал. — А проснувшись, я понял, что тебя и правда нет...

Эта фраза, словно тупой нож, медленно вонзилась в сердце Чу Сяоханя. Ему хотелось подойти, обнять этого парня и сказать: нет, я не уйду, я не брошу тебя. Но в горле словно застрял ком ваты, и он не мог вымолвить ни слова.

Завтра мы идем в лабораторию. — Лу Сюминь подошел на пару шагов ближе, сцепив руки и растирая покрасневшие от холода пальцы. — Я немного нервничаю.

Чу Сяохань кивнул: — Мы можем подождать еще пару дней.

Нет, чем быстрее, тем лучше. — В глазах Лу Сюминя сверкнул твердый огонек. — Нам нужны ответы. Об этой катастрофе, о наших... изменениях.

Слово «наших» заставило сердце Чу Сяоханя дрогнуть. Лу Сюминь уже автоматически причислял их к одному виду, несмотря на то, как сильно они отличались.

Иди спать, — тихо произнес Чу Сяохань. — Завтра будет тяжело.

Лу Сюминь не сдвинулся с места. Напротив, он сделал еще один шаг вперед, полностью ступив

в лунный свет. Серебристо-белые лучи окутали его со всех сторон, и... он казался почти прозрачным, словно хрупкий сон, который рассыплется от малейшего прикосновения.

А ты? Ты разве не будешь спать?

Чу Сяохань покачал головой: — Мне... больше не требуется столько сна. — И это была правда. С начала мутации время его сна сокращалось, а иногда он бодрствовал всю ночь напролет, прислушиваясь к стуку своего ненормального сердца.

Лу Сюминь задумчиво кивнул и вдруг спросил: — В день прощального банкета... что ты хотел мне сказать?

Этот вопрос прозвучал как удар молота. Дыхание Чу Сяоханя замерло на секунду, а черные вены под кожей заворочались с тревожной силой. Он не ожидал, что Лу Сюминь до сих пор помнит тот момент — перед тем, как тот напился, Чу Сяохань действительно собирался что-то сказать.

Я не помню, — солгал он сухим голосом. — Наверное, просил тебя пить поменьше.

Лу Сюминь пристально смотрел на него несколько секунд, словно пытаясь отыскать брешь на этом бледном лице. Наконец он пожал плечами и легко вздохнул: — Ну ладно... спокойной ночи, Чу Сяохань.

Спокойной ночи.

Глядя на удаляющуюся спину Лу Сюминя, Чу Сяохань до боли вжался ногтями в ладони. Как сильно ему хотелось окликнуть Лу Сюминя и сказать правду: в тот день я хотел сказать «я тоже тебя люблю»; в тот день я поддержал твое теряющее равновесие тело и пообещал, что у нас будет еще много времени; в тот день я должен был поцеловать тебя, а не позволять тебе напиваться и засыпать с сожалением в сердце...

Но он не произнес ни слова.

За окном по ночному небу пронеслась и тут же исчезла падающая звезда. Чу Сяохань вспомнил легенду, которую в детстве рассказывала мама: падающая звезда — это дарованный небесами шанс загадать желание. Он закрыл глаза и мысленно повторил:

Позволь мне сохранить достаточно человечности, чтобы защитить его до самого конца.

Это было его единственное желание на данный момент.